

С

бежал Саня из опустевшей столицы к бабушке в деревню. Подальше от карантинных мер: запугали не на шутку, ввели комендантский час, изолировали людей друг от друга, атаковали жуткими противоречивыми новостями в интернете, по телевизору и по радио. Казалось, сам воздух заражен возмущением и паникой, неведомым, недоговоренным и зловецим. И кто эти «они» — толком тоже было не понятно. Однако все сие подавляло и удручало до изнеможения... Маску и перчатки Саня по убеждениям не принял: «Перед девчонками как-то стремно».

Работа IT-специалиста в международной компании, которая занималась разработками программного обеспечения, всегда была для него удаленной. Кроме понедельничных планерок, на которых токсичный начальник распекал подчиненных до валерьянки. Так что Саня ощущал себя счастливым, который в полной мере подготовлен к апокалипсису.

Тем более что он в свободное время любил погружаться в миры игрового компьютерного хаоса, где народы переживали войны, эпидемии, голод, где их доводили до нищеты ученые-шизофреники и политики-самодуры, а потом за это же презирали и даже истребляли. Стало быть, со сценарием выживания Саня был хорошо зна-

ком, потому не ринулся с большинством покупать гречку, макароны и туалетную бумагу. Затарился только солью и хозяйственным мылом по коробку. Что ж, играл бы Саня в дочки-матери, глядишь, к своим тридцати двум обзавелся бы уже семьей.

И когда Саня мчал по шоссе на своем внедорожнике, то в окно видел множество машин с московскими номерами, до потолка набитых пожитками, — это были такие же беженцы за город. И ему искренне было жаль тех, кто остался в мегаполисе. Больно уж тот стал походить на загон для овечек.

Каждый следующий километр приносил облегчение. И когда Саня оставил далеко позади пригород Москвы, то вдруг отчетливо почувствовал: тишина... приятно... хорошо!.. Будто тяготил голову незримый коллапс — непрестанно напрягал, закладывая уши неуловимым шумом или даже криком, давил и мучил — и вот нет его. Снят! Исчез!..

Тишина. Благословенная тишина!..

Хотя какая тишина в деревне? Беспечно заливаются ласточки; свистят стрижи; горлицы предупреждают гнездящихся «кукушка-кукушка»; звонко спорят воробьи; друг друга перекрикивают петухи; громко страдают над рождением очередного яйца куры; брешет от скуки пес-дурак; «м-мю-у» вытягивает однорогий бык; воздух жужжит, звенит, колышется... Даже трава поет! Всюду жизнь!

Саня поежился, на мгновение вспомнив утреннюю стоялую духоту, перегретый пластик и бетон, мертвые скалы горячих зданий, пыльную листву, запекшиеся тротуары, которые с зимы реагентами продолжали разъедать подошвы туфель, босоножек, сандалий... Брр, кошмар! Позади.

Голой пяткой коснулся кудрявого ковра спорыша, всегда приятно прохладного в жару. Закрыв глаза и чуть не разрыдался!

Уплыл в детство: солнце, велики, ребзики, дядь-Колин пруд, карасики с ладошку, разбитые коленки, незрелая кислятина за пазухой из школьного сада, ее с аппетитом уминали с солью, ледяное молоко с куском сливок, ванильная плюшка из местного магазина, дискотеки в Доме культуры... Построю баню!

Сухонькая Ба так и не поняла, зачем ей баня, которой отродясь не было, но вника радовалась на всю деревню. Для того и помчала в магазин за пивом с килькой; каждому встречному — вскользь да между прочим: «Саня тут». А у самой глаза торжествуют да сверкают голубыми искрами, будто и не были блеклыми.

Строительству постоянно что-то мешало. Из-за карантина магазины в районе не работали, но цемент раздобыть удалось. О кирпиче Саня тоже договорился, хотя из крупных брусков газосиликата дело пошло бы быстрее. А вот местные давно уже за бутылку не работали. Избирательными стали, им денег подавай, причем по московским расценкам. Саня включил жлоба: за дело взялся сам.

Но далеко не продвинулся. То от лапши разомлеет — такого густого липкого бульона от домашней сладкой курочки больше нигде не попробуешь! То заварных блинов переест с баб-Нюриным молоком, то вареников с творогом...

— А ты, Санечка, отдохни-отдохни. Отъедайся тут: все свое, в городе такого не купишь. Вон как щеки ввалились, синяки под глазами, зеленый вес!..

— Нормально, — Саня лениво потянулся, выпятив небольшое брюшко. Дернул ногой, плечом, рукой — комары заели. Отхлебнул невкусного пива, впрочем, вкусного он давно не встречал, даже в дорогих столичных пабах.

— Я этот сорт картох держу, не покупаю. Даже если не уродится, мелкую сажая... Нажарить?..

— Не.

— Семена-то магазинные без ядов не растут. Раньше свои продавала — теперь не берут. А зря, они-то сильные — и через асфальт прорастут...

— Угу.

— Нюркины куры меня забивают! Ты б, может, заборчик какой? А то опять смородину поклюют...

— Угу, — улыбнулся Саня бабушкиному словотворчеству: слушал бы ее и слушал.

— А у нас тут чудеса! — Ба перекрестилась. — Владимирская кровью заплакала. В аккурат перед этим кравовирусом... Покровительница Москвы. Я Ей крепко за тебя молилася!.. А на Пасху чуть церкву не закрыли, но народ возмутился. А че ж, закроют — и все!.. Председателю по шее будет, если без масок туда ходить станем.

— Чудеса, — хмыкнул Саня. — Ба, чудес не бывает!

— Как же не бывает?! Пупок нажил, а примечать не научился?!

— А ты научи! — засмеялся Саня, погладив живот. Его умиляло встревоженное лицо бабушки. Стоило ей забеспокоиться, как она забавно начала елозить губами, при этом хмурилась по-детски в поиске убедительных слов. — Да шучу я, Ба! — Саня примирительно приобнял старушку.

Ба все еще волнительно поджимала губы, так что выдающийся подбородок почти касался острого носа. Она думала. При этом разглаживала ладонью на коленях древний фартук, который снимала только на ночь, весь в жирных пятнах, будто его утюгом попржигли. А потом вдруг, серьезно глядя в глаза, произнесла с таким загадочным видом, будто какую запретную магическую тайну доверяла:

— Кто семь чудес приметит, у того вся жизнь будет счастливая!

— Да где ж столько набрать-то? — рассмеялся Саня.

— У меня каждый день по чуду, — заверила она. — Ты вот что, свои дела делай — да подмечай. Чудо — оно ведь и маленьким бывает. Его еще увидеть нужно. Гляди в оба! А то так всю жизнь второпях и проживешь, — довольная собой, бабушка назидательно ткнула внука костяшкой пальца в лоб и улыбнулась, обнажив почти беззубые десны.

Посмеялся Саня. Но только теперь это бабушкино «задание» не покидало его мыслей: он стал наблюдать, по сторонам озираться. Дом как дом: печка, прялка, половики домотканые полосатые, шторы с ришелье, советские иконы — раскрашенные фотографии под стеклом, украшенные бумажными цветами и фольгой, — на них рушники расшитые, глиняный кувшин, деревянный сундук, по углам обитый железом с витиеватой резьбой... Ну ведь сказка? Русская сказка. Чудо? Ну где ты такой музей теперь увидишь?!

Пусть будет чудо — раз.

Вышел Саня утром во двор. По привычке уткнулся в телефон, просматривая новости друзей, перелистывая придирчивые сообщения от начальника. Тот теперь донимал подчиненных по интернету и злился, что все «бездельники» в вынужденном отпуске, а он единственный «труже-

ник» в офисе обязан задыхаться от антисептиков, чтобы «чужие косяки разгрести». Далее по пунктам давал задание, которое Саня отложил на после завтрака.

Почти дошел до нужника, вертикального деревянного гробика, маскирующегося в кустах сирени. Споткнулся о веревку. Это он сам еще вчера наметил, где траншею под банный фундамент копать. Шлепнулся не больно.

И вдруг увидел, как на траве алмазным бисером сверкают росинки. А впереди, сквозь верхушку яблоневого кроны, пробивается восходящее солнце и красит оранжевым все, к чему прикоснется. Сане это таким грандиозным показалось, что взял и сфотографировал на телефон.

Но фотография оказалась обычной, сумеречной, с засвеченным желтоватым пятном и сероватой травой. Он посмотрел вокруг: ярко, сочно, но уже утеряно то чарующее мгновение, тот первый момент прикосновения Земли и Солнца...

Может, это — два?

К обеду зной уложил Саню на лопатки в саду на раскладушку. Малиновые саднящие плечи пришлось смазать ледяной простоквашей. Ба все еще кланялась земле: тыпала на огороде сорняки. Кожа ее рук походила на дубовую кору и цветом, и морщинками, и равнодушием к солнечному пеклу. Только терпеливо мелькал ее белый платочек: вверх-вниз, вверх-вниз.

Саня вспомнил, как Ба однажды дала ему подзатыльник, ребятам на потеху, потому что он «по-взрослому» плюнул: «Кто на святое плюет, тому земля хлеб не дает! — и пояснила: — Денег не будет, балбес!»

Саня тогда покраснел, но Ба поверил, ведь она даже мусор в землю не закапывала: либо сжигала, либо в овраг носила, в руины брошенного дома. И делала так, пока не стали по деревне платные мусороуборочные машины ездить.

«Земля живая! Все лишнее выплевывает и абы кому урожай не дает!» Ба говорила, что человек из земли вышел, что кормится ее молоком и соками, что она могучую силу дает, если ее ласково касаться, что по весне, вспаханная, дышит, а летом распределяет целительные травы между сельчан, к каждому дому — свои, по потребности. «Придет антихрист, а выживет тот, у кого хоть клочок земельки будет! Так старцы пророчут!»

Саня и по сказкам помнил: земля всегда была святыней для русского человека! Ее благодарить и беречь нужно, себе место среди пращуров уготовливать...

И хотя за несколько часов Саня на огороде упал и лежал без сил, а все-таки удивительно ему было, как это косточка от соседского абрикоса в росток превратилась? И никто не поливал даже! Закопал в прошлом году в саду на прогалине, интереса ради.

Стало быть, три.

— Вы-тут-жить? Вы-тут-жить? — полюбопытствовала коричневая птичка с поджарой грудкой. Она сидела на тонкой ветке яблони и шустро вертела головкой, разглядывая Саню то одним, то другим глазом.

— Как знать? — засмеялся он.

Птичка улетела. Саня достал из-под подушки телефон и посмотрел, как она называется: горихвостка...

Жара. Легкий шелест листвы над головой утешал, шептал и успока-

ивал. Ба рассказывала, что когда он во младенчестве плакал, то мать его коляску под деревья ставила: лучше погремушек помогало!

На ту же ветку яблони сел воробышек. Как птенец открыл клюв, растопырил крылышки и умоляюще затрепыхал ими.

— Ну откуда тебе знать, голова с наперсток, что я пойму?! — удивился Саня и нехотя поднялся, чтобы налить в алюминиевое корыто из колодца воды. Ба в нее воду на прогрев под солнце ставила, чтобы к вечеру «нежные» помидоры и огурцы поливать.

Стоило Сане отойти, как воробышек сел на край корыта и несколько раз попил, явно довольный своей находчивостью, потом скрылся за садом.

Если бы не было у Сани в детстве канареек и щеглов, не знал бы он, что так птицы воды просят. Никогда не задумывался, а тут будто вывед-дал у природы сокровенное: как она, такая умная, общается с Венцом творения? А ведь не каждый заметит.

Четыре.

Вечером Ба разбрасывала траву с полевыми цветами по полам. Полутемная прохладная хата с низкими окнами теперь походила на волшебную избушку лесного отшельника, наполнилась сладковатым ароматом, приятно хрустела под ногами.

«Трава до Троицы быстрая и сильная. Потом уж так, медленней растет», — рассказывала Ба внуку. Это значило, что после трех дней праздника предстоит косить для кроликов, чего Саня никогда не умел ни ко-сой, ни серпом. Потому в понедельник утром, на Духов день, отправился он к соседу за бензотриммером. Тот стриг быстро, но чадил, дребезжал до рези в перепонках и разрывал зубастыми дисками траву в клочья, мало оставляя для сушки.

По дороге домой у церкви из багрового старинного кирпича встретил радостных бабушек-щебетушек в белых платочках; среди них — гордая Ба: как-никак, внук в самой столице живет!

«От — вымахал богатырь! — Как на деда тваво, покойника, похо-ож! Надолго ли тут? — Че там в Москве-то? Нешто свету конец?! — Вправду там люди болеют и их по баракам ложуть? — А ты-то сам не большой суды приехал?»

— Гляди-ка! Душе Святой! — вдруг воскликнула одна старушка, тыча пальцем в небо. Другие стали креститься.

Саня недоверчиво взглянул на два белоснежных перьевых облака. Посмотрел-посмотрел и увидел: вместе они похожи на летящего голубя. И как он сразу не заметил, ведь больше ни на что не похожи?! Всего два облака среди ясного неба, прямо над крышей Ба.

Пять!

О, с каким удовольствием Саня откусил белоснежную мякоть ваниль-ной плюшки, посыпанной сахаром! Вкус детства! Аромат юности, и вот что он навеял: ночь, редкие фонари выхватывают кусочки домов, пали-садников, единственной асфальтированной дороги, пролегающей через всю деревню. За их пределами — крошечная тьма. В доме Ба горит свет, она не спит, тревожится, штопает ветошь, щурясь в очки при свете ноч-ника: ждет внука с дискотеки, прислушивается к звукам. На столе све-жая плюшка и жестяная кружка ледяного молока...

Блаженная прохлада, ветерок, разогнавший комаров, деревенская тишина: шелест листы, травы, сверчки, соседская собака...

Ба сидела рядом, уставшая, задумчивая, довольная. Сухонькой ладошкой она потирала больное колено и смотрела на звезды.

Их почти не видно в городе: тусклые, потому что глушатся электрической иллюминацией, будто искусственное лучше настоящего. Только в городе когда-нибудь выключат свет! А звезды останутся. Вот она — вечность прямо над головой, таинственная и пугающая, чарующая и манящая, живая и великая...

Саня запивал булку чаем из мяты и ромашки — и было так сладостно, так покойно, так мирно, так чудесно!..

— Ба, а что там? — вскинул голову Саня, глядя на небо.

— А я почему знаю?.. — засмеялась Ба. — Жизнь! — Она иногда коверкала слова, как это делало прошлое поколение. Но Сане в этот момент показалось, что давным-давно на такой же вопрос так же ответили и ей. — Рай там! — заверила бабушка.

— Ба, а почему звезды в пруду не отражаются?

— Отражаются, это мы не видим.

— Значит, и в чае они сейчас отражаются?

Ба засмеялась и погладила Саню по макушке.

— Значит, я пью звездный чай? Это уже шестое чудо, Ба!